

УДК 34.03:343.8

DOI 10.36511/2078-5356-2021-2-49-55

Репьев Артем Григорьевич
Artem G. Repev

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Академия управления МВД России (125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8)

doctor of sciences (law), associate professor, department of state legal disciplines
Academy of management Ministry of internal affairs of Russia (8 Zoe and Alexandra Kosmodemyan-
skikh st., Moscow, Russian Federation, 125171)

E-mail: repev-artem@yandex.ru

Репьева Анна Михайловна
Anna M. Repeva

кандидат юридических наук, старший инспектор организационно-аналитического отдела
Академия управления МВД России (125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8)

candidate of sciences (law), chief inspector of organizational and analytical department
Academy of management Ministry of internal affairs of Russia (8 Zoe and Alexandra Kosmodemyan-
skikh st., Moscow, Russian Federation, 125171)

E-mail: anna-repeva@yandex.ru

Спецификация правовых норм как тенденция правотворчества (на примере уголовно-исполнительного законодательства)

Specification of legal norms as a trend of law-making (on the example of penal law)

Авторами анализируются современные тенденции законодательного процесса Российской Федерации, одной из которых является спецификация норм права. Выдвигается гипотеза о том, что за счет спецификации правовых предписаний образуется специализация законодательства, в числе наиболее распространенных форм которой в рамках уголовно-исполнительного права выступают: дифференциация, индивидуализация и конкретизация. На основе анализа правовой доктрины, законодательства и правоприменительной практики авторы делают вывод о целях спецификации норм пенитенциарного права, к числу которых отнесены: конкретизация элементов правового положения осужденного, дополнение условий и форм исправления, закрепление дополнительных мер стимулирования правопослушного поведения. Выявлены проблемы реализации специфических норм уголовно-исполнительного права, затормаживающие процесс реформирования системы исполнения наказания, предложены пути их решения.

Ключевые слова: спецификация, правовая норма, изъятие, поощрение, дифференциация, индивидуализация, конкретизация.

The authors analyze the current trends in the legislative process of the Russian Federation, one of which is the specification of law. It is hypothesized that, through the specification of legal regulations, a specialization of legislation is formed, among the most common forms of which in the framework of criminal enforcement law are: differentiation, individualization and specificity. On the basis of an analysis of legal doctrine, legislation and law enforcement practice, the authors conclude that the objectives of the specification of prison law include: the specificity of the elements of the legal situation of the convicted person, the addition of conditions and forms of correction, and the consolidation of additional measures to stimulate law-abiding behavior. Problems have been identified in the implementation of specific norms of criminal enforcement law, which slow down the process of reforming the system of execution of punishment, and ways have been proposed to solve them.

Keywords: specification, legal norm, withdrawal, promotion, differentiation, individualization, concretization.

© Репьев А. Г., Репьева А. М., 2021

Специализация и спецификация в праве: современная трактовка проблемы

Отечественные правоведы, рассматривая какую-либо общетеоретическую либо отраслевую сферу правоотношений, регламентированную совокупностью нестандартных правовых предписаний, особым ресурсным арсеналом средств правового воздействия, как правило, именуют этот процесс специализацией [1; 2]. Данное явление, считается, основано на реализации специальной правовой нормы путем дополнения, уточнения, конкретизации генерального предписания. Основу этого учения заложили догмы римского права, как известно, по объему действия делившегося на право общее (*ius generale*) и право специальное (*ius speciale*). Последнее состояло в отступлении от стандартного правила (вопреки общему духу законодательства) в целях извлечения какой-либо пользы общественному благу или в интересах специальных классов людей (женщин, военных, купечества и др.).

Не претендуя на абсолютную правоту, предположим, что для описания процесса дополнительной настройки правотворчества за счет углубления потенциала общей правовой нормы, а также детализации проявления основного правового предписания в каждой из форм реализации (соблюдение, исполнение, использование и применение) более терминологически выверенным словом будет *спецификация*.

Этимология образования данного существительного действительно показывает наличие у него однокоренного и близкого по значению термина — «специализация». Несмотря на их созвучие, едва ли не аналогичное восприятие в орфоэпическом плане, данные лексемы все же имеют отличительные качества. Для аргументации выдвинутого тезиса приведем краткий филологический анализ.

Специализация как общесоциальное явление, означает придание кому-либо (чему-либо) нестандартного назначения, отдельной направленности для реализации каких-либо целей [3, с. 1270] (специальный корреспондент, работающий в условиях вооруженного конфликта; специальный автомобиль для конвоирования подозреваемых в совершении преступлений и пр.).

В свою очередь спецификация означает разработку, перечисление подробностей явления, его деталей, особых качеств, классификацию (например, спецификация к машине, сдаваемой изготовителем заказчику) [4, с. 999]. Специализация складывается в результате

приобретения конкретных знаний (иными словами — получения специальности), сосредоточения деятельности на отдельном направлении (специализация труда) и т. д. Итогом спецификации будет установление внутренней специфики явления или предмета, то есть вычленение отличительных особенностей, своеобразия.

В правовом плане о специализации уместно вести речь тогда, когда особое назначение получает какая-либо область юриспруденции или сфера проявления юридической деятельности в целом за счет нестандартных правил поведения, атипичных форм регулирования общественных отношений. Например, применительно к научной специализации по отраслям права или исправительным учреждениям (выделение среди них исправительных колоний, воспитательных колоний, тюрем, лечебных исправительных учреждений).

Если же рассматривать внутренние, структурные качества сложных правовых явлений, имеющих определенную конструкцию, таких как, например, правовая норма, то, полагаем, все же уместнее именовать этот процесс спецификацией. Представив норму как «молекулу» правового вещества в качестве строительного материала для всего правового пространства, логичным будет утверждение, что особое назначение она будет иметь тогда, когда ее «атомные ядра» (гипотеза, диспозиция и санкция) приобретут специфичный, узконаправленный характер. Возможно (и этот аспект требует дополнительного анализа ввиду своей малоизученности), спецификация правовой нормы является одним из элементов или этапов специализации отрасли законодательства в целом. Иными словами, нормативная правовая основа государства (читай: законодательство) может быть подвержена специализации ввиду спецификации конкретных нормативных предписаний, обретения ими не специальных, но специфичных свойств.

Спецификация норм уголовно-исполнительного права как современная тенденция правотворчества

Применительно к спецификации правовых норм, пожалуй, наиболее фундаментальным трудом выступает теоретическое исследование профессора И. Н. Сенякина [5]. В свою очередь, ключевую роль в разработку особенностей охранительных правовых предписаний внесли В. П. Казимирчук, В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко, В. В. Глазырин, Н. М. Свидлов [6, с. 20—94; 7; 8] и др. Однако

все представленные авторы рассматривали феномен специализации через призму уголовного законодательства. Относительно норм уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права подобные работы до настоящего времени фактически отсутствуют. Попробуем отчасти восполнить данный пробел, пусть и в рамках научной публикации, имеющей проблемно-становочный характер.

Итак, специфичный характер правовое предписание получает ввиду своего нестандартного элементного состава. На примере классического восприятия структуры правовой нормы проиллюстрируем данный тезис на примерах.

Гипотеза специфичной правовой нормы определяет атипичные, особые условия действия правового предписания, связывая общее правило поведения с регулируемыми им специальными правоотношениями. Так, в числе направлений совершенствования уголовно-исполнительной системы не последнее место отведено усилению постпенитенциарного надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы. В этом ракурсе примером гипотезы специфичной правовой нормы будет положение части 6 статьи 180 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ): «в случае освобождения от отбывания наказания администрация учреждения, исполняющего наказание, передает информацию в отношении осужденного, страдающего заболеванием, включенным в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утверждаемый Правительством Российской Федерации, органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья по избранному им месту жительства для решения вопроса об организации оказания ему медицинской помощи» [9].

Диспозиция специфичной нормы устанавливает дозволение, ограничение или запрет в отношении специального субъекта, которому она адресована, содержит особое правило поведения, не характерное для стандартных правоотношений. В качестве примера такого элемента, указывающего на усиление дифференциации категорий осужденных, учет особенностей их правового положения, будут изменения, произошедшие в ноябре 2020 года, закрепившие оговорку для общего правила, по которому лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, и ранее не отбывавшие лишения свободы, а также впервые осужденные за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести, отбывают ли-

шение свободы отдельно от лиц, осужденных за преступления, совершенные по неосторожности, и ранее отбывавших лишения свободы, а также положительно характеризующихся осужденных, переведенных из колоний общего и строгого режима. Суть оговорки — правовое исключение, допускающее «размещение указанных лиц в одной колонии-поселении при условии обеспечения отдельного проживания и трудоустройства» (ч. 2 ст. 128 УИК РФ).

Санкция специфичной правовой нормы отличается от общепринятой тем, что она закрепляет особые условия претерпевания неблагоприятных последствий, не характерные для субъекта с общим правовым статусом. К примеру, с сентября 2020 года произошло ужесточение размера дисциплинарного штрафа, применяемого к осужденным за нарушение установленного порядка отбывания наказания в виде лишения свободы (до двух тысяч рублей, при том, что ранее максимальный размер штрафа составлял 200 руб.) (п. «б» ч. 1 ст. 115 УИК РФ).

Приведенные примеры свидетельствуют, что спецификация — сложное, многосоставное явление. Функционируя в общем фарватере специализации, построенной на процессах дифференциации, индивидуализации, конкретизации, формами спецификации правовых норм в результате изменения характера их гипотез, диспозиций и санкций, как правило, выступают: *конкретизация* правового предписания, его *дополнение*, а также *изъятие*.

Пойдем сообразно этому, и в первую очередь выделим *конкретизирующие нормы*, уточняющие элементы уголовно-правовых отношений. К ним, как правило, отнесены положения, детализирующие правовое положение осужденного. Так, новеллой законодательства станет (судя по всему в ближайшее время) признание за осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, статуса социально уязвимой категории населения. Соответствующий законопроект внесен в Государственную Думу РФ и уже получил положительный отзыв Правительства РФ [10]. Изменение правового положения осужденного позволит обеспечить более глубокую ресоциализацию за счет предоставления возможности трудоустроиться по месту отбытия наказания, а для предпринимательского сообщества создаст дополнительные финансовые стимулы, откроет доступ к мерам поддержки со стороны государства. Однако законодатель наряду с послаблениями и нормами, улучшающими правовое состояние осужденного, уточня-

ет и ограничения для него. К примеру, с июля 2020 года требование об указании на каком основании, на какой срок и какую должность осужденный лишен права занимать или какой деятельностью лишен права заниматься в случае увольнения из организации осужденного, не отбывшего наказание, дополнено положением, что данная «информация также вносится в сведения о его трудовой деятельности» [п. «г» ч. 2 ст. 34 УИК РФ].

Следуя предложенной логической цепочке, далее остановимся на *нормах-дополнениях* в уголовно-исполнительном праве. При этом необходимо иметь в виду, что направления спецификации пенитенциарных предписаний через дополнения весьма изменчивы. История отечественного «тюремного права» характеризовалась как политикой ужесточения условий и порядка отбывания наказания, так и пришедшей на смену ей тенденцией либерализации, гуманизации процесса исправления осужденного. Последняя — устойчивая и, пожалуй, основная линия спецификации уголовно-исполнительных норм современности. Ее проявления крайне разнообразны, поэтому остановимся лишь на некоторых из них, вызванных дифференциацией категорий осужденных:

— оказание финансовой помощи осужденным, отбывшим уголовное наказание. Так, освобождаемым из мест лишения свободы, помимо предоставления одежды, «может быть выдано единовременное денежное пособие» [9, ч. 2 ст. 181]. Величина выплаты небольшая, на сегодняшний день составляет 850 руб., однако в положениях Исполнительно-трудового кодекса РСФСР (далее — ИТК РСФСР) и такая норма-дополнение, учитывающая тяжелое материальное положение отдельных граждан, отсутствовала [11];

— развитие системы абилитации, то есть предоставление возможности пройти курс педагогических, психологических и иных мероприятий, направленных на приспособление к жизни в обществе. Так, директор Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации А. Калашников на коллегии ведомства подчеркнул значимость создания службы пробации, что «может стать ключевым звеном в цепи преобразования криминального субъекта в правопослушного гражданина» [12]. Примером установления послаблений правового положения осужденных, является применение *норм-преимуществ*. Таковой является специфичная норма, определившая с апреля 2020 года возможность отбытия наказания в исправительном

центре, не только расположенном в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором криминальный субъект проживал или был осужден, но и «расположенном на территории субъекта Российской Федерации, в котором проживает один из его близких родственников, либо на территории другого субъекта Российской Федерации, наиболее близко расположенного к месту жительства данного близкого родственника» (ч. 2¹ ст. 60¹ УИК РФ).

Завершают предложенную нами типологию спецификации правовых норм уголовно-исполнительного законодательства положения, вызванные индивидуализацией правового воздействия на исправление осужденного, изменение его правового статуса за счет элементов, способствующих социализации в обществе после освобождения из учреждения исполнения наказания. Так, *нормы-изъятия*, в числе прочего, направлены на адаптацию знаний, умений и навыков осужденных к потребностям общества и государства, создание «гибких» форм обучения и обеспечение возможностью получения дополнительного образования, переподготовки и повышения квалификации. К примеру, нормы ИТК РСФСР предусматривали поощрения при получении осужденными общего среднего образования, что учитывалось «при определении степени их исправления и перевоспитания» [11, ч. 3 ст. 47]. Современный УИК РФ подобных норм-стимулов относительно базового уровня образования не содержит, однако наполнен нормами-поощрениями относительно практико-ориентированной подготовки осужденных. Речь идет об учете отношения осужденного к получению среднего профессионального образования, созданию условий по обучению на производстве и пр. [9, ст. 108].

Другой пример *норм-изъятий* демонстрирует индивидуальный подход при оценке правового и социального состояния осужденного, определении потребностей в оказании ему социально-обоснованных послаблений. Так, специфичным стало применение к отдельным осужденным иного, отличного от общеустановленного порядка регулирования общественных отношений, основанного на учете своеобразия общественных отношений, нестандартности сложившихся обстоятельств, обусловленного исключительными обстоятельствами, какими-либо уважительными причинами. Речь идет о том, что с июля 2017 года «осужденным женщинам, имеющим вне исправительной колонии несовершеннолетнего ребенка-инвалида, а также осужденным мужчинам, имеющим несовершенно-

нолетнего ребенка-инвалида и являющимся единственным родителем, могут быть разрешены четыре выезда в год для свидания с ребенком на срок до 15 суток каждое» [9, ч. 2.1 ст. 97].

Проблемы законодательного закрепления и реализации специфичных норм уголовно-исполнительного права

Обозначенные примеры реформирования законодательства, думается, обусловлены, прежде всего, глубоким нравственным началом. Верно отмечено В. Д. Зорькиным, что «любые юридические новеллы, способные ввести новизну эпохи перемен в правовые берега, обязаны соотноситься с моральными нормами социального большинства» [13, с. 13]. Однако есть в этом отношении и серьезные упущения. Речь идет о полноценной интеграции освобожденного из мест лишения свободы в социум и использовании его трудовых возможностей. Труд человека, в то числе освободившегося из мест лишения свободы, не только всегда соответствовал общественным представлениям о справедливости, но и отвечал интересам государства. К примеру, нормы ИТК РСФСР были максимально конкретизированы относительно обязанностей по трудоустройству бывшего осужденного: «лица, освобожденные от отбывания наказания, должны быть обеспечены работой, по возможности с учетом имеющейся у них специальности, исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов не позднее пятнадцатидневного срока со дня обращения за содействием в трудоустройстве. В необходимых случаях лицам, освобожденным от наказания, предоставляется жилая площадь. Предписания исполнительных комитетов местных Советов народных депутатов о трудоустройстве лиц, освобожденных от наказания, обязательны для руководителей предприятий, учреждений и организаций» [11, ст. 104].

На сегодняшний день положения УИК РФ в части трудоустройства освободившихся из мест лишения свободы имеют в большей части абстрактный характер. Органы власти в регионах предпринимают отдельные попытки решить проблему своими силами: приняты региональные законы о социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы (Республика Башкортостан, Архангельская, Кировская области и др.), о квотировании рабочих мест и о мерах экономического стимулирования работодателей, трудоустраивающихся граждан, освободившихся из мест лишения свободы (Республики Карелия,

Саха (Якутия), Татарстан, Камчатский и Краснодарский края и ряд других субъектов). Однако комплексного решения проблемы не имеется. Работодатель по-прежнему скорее пойдет на наем рабочего из стран ближнего зарубежья, будет готов организовывать и оплачивать чартерные рейсы из другого государства для их доставки на объекты (строительство, лесозаготовка и пр.), но никак не заинтересован в использовании труда осужденного. В условиях пандемии и оттока мигрантов, закрытия границ вопрос возможности использования труда осужденного актуализируется особенно.

Насколько проблемно обстоят в этом отношении дела сегодня? Полагаем, рассматривать процесс спецификации нормативных предписаний уголовно-исполнительного профиля нельзя не затрагивая ее эффективность. Что может свидетельствовать о положительном, прямом, ярко выраженном соотношении фактических результатов действия специфичных норм уголовно-исполнительного права и целей, для достижения которых они были приняты? Пожалуй, состояние рецидивной преступности.

Тревожной тенденцией остается не только уровень повторной преступности, но и удельный вес безработных в общей структуре лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние. Так, на протяжении последних 5 лет в нашей стране фиксируется устойчивый рост числа лиц, ранее совершивших преступления (в 2016 году их удельный вес среди всех установленных лиц, совершивших преступления, составлял 54,0 %, в 2017 — 56,0 %, 2018 — 56,4 %, 2019 — 57,0 %, 2020 — 57,7 %) [14, с. 10]. При этом, число безработных лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, резко увеличилось по итогам 2020 года на 54,7 % относительно предыдущего периода и составило 7 634 человека. Кризисные тенденции в экономике, сокращение производств, вызванное эпидемиологической обстановкой, не могли не сказаться на наименее защищенных категориях населения. Значительно по итогам 2020 года (на 58,6 % по сравнению с 2019 годом) увеличилось число совершивших преступления безработных женщин (1 687 лиц) [14, с. 12].

Заключение

Нельзя сказать, что государство в рассматриваемой сфере бездействует. Очередной тенденцией, воспринимаемой в качестве средства повышения эффективности специфичных правовых предписаний, стал восприниматься правовой эксперимент. Последний, как правило, представляет собой научный опыт, наблюдение

исследуемого явления или процесса в заданных условиях, позволяющий впоследствии оценить, спрогнозировать успешность намеченного преобразования. Правовые эксперименты не часто, но все же становились предметом научных разработок в области права и государства [7, с. 248—276].

Сфера исполнения наказания, как бы парадоксально это ни звучало, одна из тех, которые наиболее подвержены государственно-правовым экспериментам. Еще не утихли дебаты правозащитников, представителей профессионального ядра служащих уголовно-исполнительной системы, ученых относительно внедрения электронных браслетов для контроля за передвижением осужденного [15] или, например, эксперимента по включению священнослужителей в деятельность исправительных учреждений на штатной основе [16, с. 833], как государство пошло на новые «пробные меры». Речь идет о создании так называемого «мульти-учреждения», охватывающего собой потенциал следственного изолятора, исправительного учреждения, центров трудоустройства осужденных, медицинские комплексы и прочую инфраструктуру [17].

Не оценивая успешность последнего из представленных преобразований (ввиду того что эксперимент только начался), оговоримся, что фиаско, которое потерпели все вышеприведенные эксперименты, на наш взгляд, детерминировано определенной деформацией специфических нормативных предписаний, на которых они строились. Это обусловлено следующим.

Во-первых, отрывом специфичной (в данном случае экспериментальной) правовой нормы от конкретной социальной и финансовой реальности. Как стало известно впоследствии, один из вышеуказанных экспериментов сопровождался хищением более 1,2 млрд рублей при закупке электронных браслетов [18].

Во-вторых, нестабильностью, неустойчивостью форм вводимых правил, которые оказались неспособны к тому, чтобы реализовывать функции социального регулятора. Как известно, в самой системе исполнения наказания долгие годы не было выработано единой позиции относительно, например, эффективности и целесообразности применения отдельных мер уголовного наказания, а смена руководства ФСИН России, как правило, сопровождалась изменением официальной позиции ведомства [19].

В-третьих, утратой контроля за фактическим выполнением вводимых новелл, их реализацией. Сообщения в социальных медиа и прочих

интернет-ресурсах, предлагавших способы «обхода» системы слежения с браслетами, стали не редкостью. Отсутствие механизмов контроля в сфере оценки эффективности спецификации уголовно-исполнительного законодательства делает данные положения не только ничтожными, но даже и отрицательными.

Конкретизация элементов правового положения осужденного, дополнение условий и форм исправления, изъятие и исключение слабо реализуемых рычагов воздействия, закрепление дополнительных мер стимулирования правопослушного поведения — вот далеко не полный перечень целей проводимой спецификации норм уголовно-исполнительного права.

Однако задача проведения специализации законодательства отнюдь не простая. В теоретической плоскости она требует переосмысления, дополнения знаний об основах дифференциации и индивидуализации правового регулирования, развития учения о специальной правовой норме. В практическом компоненте необходима планомерная, точечная доработка существующих положений до состояния эффективного правового воздействия на соответствующего субъекта уголовно-исполнительных правоотношений, а также эффективный государственный и общественный контроль за процессом реализации.

Примечания

1. Кузнецова О. А. Специализация правовых норм как результат системности гражданского права // Вестник Пермского университета. 2007. Вып. 8 (13). С. 76—85.
2. Гончаров Д. Ю. Специализация норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: историческая ретроспектива // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 109—121.
3. Толковый словарь русского языка: ок. 7000 словар. ст.: свыше 35 000 значений: более 70 000 иллюстрат. примеров / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 1582 с.
4. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта-Принт», ООО Издательство «ДОМ. XXI век», 2008. 1239 с.
5. Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права / под ред. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 97 с.
6. Право и социология: монография. АН СССР, Ин-т гос-ва и права; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Казимирчук. М.: Наука, 1973. 359 с.
7. Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм. М.: Юрид лит., 1980. 280 с.

8. Свидлов Н. М. Специальные нормы и квалификация преступлений следователем. М.: Высшая школа МВД СССР, 1981. 46 с.

9. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2, ст. 198; 2021. № 11, ст. 1709.

10. О внесении изменений в статью 24.1 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»: законопроект № 1173094-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1173094-7> (дата обращения: 18.05.2021).

11. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 18.12.1970) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1970. № 51, ст. 1220.

12. Познакомят с волей. Тюремное ведомство создаст новую службу для помощи бывшим заключенным // Российская газета. 2021. 14 марта.

13. Зорькин В. Д. Десять лекций о праве: монография. М.: Норма, 2021. 400 с.

14. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2020 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2021. 72 с.

15. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43, ст. 5544.

16. Кириллова Т. В., Старикова О. В. Пенитенциарное образование: пилотные проекты и опыт взаимодействия с Русской православной церковью // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6.

17. Колония «все включено». Учреждения ФСИН в регионах объединят под одной крышей // Российская газета. 2020. 28 декабря.

18. Чем расплатится. Экс-главе ФСИН предъявили счет // Российская газета. 2018. 28 июня.

19. Тюрма с доставкой на дом. Новый глава тюремного ведомства готовится отменить арест как меру наказания // Российская газета. 2005. 6 апреля.

References

1. Kuznetsova O. A. Specialization in legal as a result of the systemic nature of civil law. *Bulletin of Perm University*, 2007, no. 8 (13), pp. 76—85 (In Russ.).

2. Goncharov D. Yu. Specialization of the norms of criminal and criminal procedure legislation: historical retrospective. *Journal of Russian Law*, 2005, no 11, pp. 109—121 (In Russ.).

3. Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 7000 dictionary. Art.: over 35,000 values: more than 70,000 illustrations. examples / ed. by D. V. Dmitriev. Moscow: Astrel Publishing House LLC: AST Publishing House LLC, 2003. 1582 p. (In Russ.)

4. Ushakov D. N. Great interpretive dictionary of the modern Russian language. Moscow: "Alta-Print",

LLC Publishing House "XXI century", 2008. 1239 p. (In Russ.)

5. Senyakin I. N. Special norms of Soviet law / ed. by M. I. Baytin. Saratov: Publishing House of Saratov un-t, 1987. 97 p. (In Russ.)

6. Law and sociology: monograph. Academy of Sciences of the USSR, In-t-state and law; ed. Yu. A. Tikhomirov, V. P. Kazimirchuk. Moscow: Science Publ., 1973. 359 p. (In Russ.)

7. Kudryavtsev V. N., Nikitinsky V. I., Samoshchenko I. S., Glazyrin V. V. Effectiveness of legal norms. Moscow: Legal literature Publ, 1980. 280 p. (In Russ.)

8. Svidlov N. M. Special norms and qualification of crimes by the investigator. Moscow: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1981. 46 p. (In Russ.)

9. Criminal enforcement code of the Russian Federation dated 08.01.1997 no. 1-FZ (as amended by 09.03.2021). *Collection of legislative acts of the RF*, 1997, no. 2, art. 198; 2021, no. 11, art. 1709. (In Russ.)

10. On amendments to article 24.1 of the Federal law "On the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation": Bill no. 1173094-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1173094-7> (accessed 18.05.2021). (In Russ.)

11. Correctional labor code of the RSFSR (approved Armed Forces of the RSFSR 18.12.1970) (expired). *Vedomosti of the Armed Forces of the RSFSR*, 1970, no. 51, art. 1220. (In Russ.)

12. They'll introduce you to will. The prison department will create a new service to help former prisoners. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, 14 March. (In Russ.)

13. Zorkin V. D. Ten lectures on law: monograph. Moscow: Norma Publ., 2021. 400 p. (In Russ.)

14. Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation following the results of 2020 and expected trends in its development: analytical review. Moscow: All-Russian Research and Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 72 p. (In Russ.)

15. On the Concept for the Development of the Penal Correction System of the Russian Federation until 2020: order of the Government of the Russian Federation dated 14.10.2010 no. 1772-r. *Collection of legislative acts of the RF*, 2010, no. 43, art. 5544. (In Russ.)

16. Kirillova T. V., Starikova O. V. Penitentiary education: pilot projects and experience of interaction with the Russian Orthodox Church. *Modern problems of science and education*, 2016, no. 6. (In Russ.)

17. All inclusive colony. FSIN institutions in the regions will unite under one roof. *Rossiyskaya gazeta*, 2020, 28 December. (In Russ.)

18. What will pay. The ex-head of the FSIN was presented with an invoice. *Rossiyskaya gazeta*, 2018, 28 June. (In Russ.)

19. Prison with home delivery. The new head of the prison department is preparing to cancel the arrest as a punishment. *Rossiyskaya gazeta*, 2005, 6 April. (In Russ.)